

УДК 37:338.26(73+410)

Образовательный и профессиональный выбор рабочей молодежи сервисных отраслей

Вера В. Гаврилюк

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

E-mail: gavriliuk@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>

DOI: 10.26907/esd.17.4.17

EDN: QEWLTT

Дата поступления: 8 февраля 2021; Дата принятия в печать: 28 июня 2021

Аннотация

Взаимосвязь между образованием, профессией и социальным статусом в глобальном мире неочевидна: высокий уровень образования не является гарантией профессиональной карьеры. Особенно остро несоответствие специального образования и рода деятельности проявляется в сфере клиентского сервиса, что, с одной стороны, снижает качество реализуемых услуг, а с другой – вызывает напряженность среди работников этой сферы. Цель исследования состоит в изучении образовательных ценностей, выбора образовательной траектории и профессионального самоопределения современной рабочей молодежи сервисной отрасли. Выводы статьи опираются на результаты эмпирического социологического исследования, которое проведено в Уральском федеральном округе (опросы рабочей молодежи и экспертов; биографическое интервью, где информантами были не только представители сервисной сферы, но и молодежь реального сектора экономики). В результате исследования выявлена противоречивость отношения рабочей молодежи сервисных отраслей к образованию: не усматривая связи между уровнем и качеством образования и характеристиками собственной жизни, молодежь уверена в ценности образования, сохраняет уважительное отношение к образованным людям. Личностная значимость образования для нового поколения рабочей молодежи невелика, признаваемая на уровне общественного мнения важность образования как такового не оказывает влияния на личные жизненные планы.

Ключевые слова: рабочая молодежь, рабочий класс, сервисная сфера, образовательный уровень, профессиональный выбор.

Educational and Professional Choice of Working Youth in Service Industries

Vera V. Gavriliuk

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: gavriliuk@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>

DOI: 10.26907/esd.17.4.17

EDN: QEWLTT

Submitted: 8 February 2021; Accepted: 28 June 2021

Abstract

The relationship between education, profession and social status in the modern global world is not obvious. A high level of education does not guarantee a professional career. The discrepancy

between professional education and occupation is especially acute in the field of customer service. On the one hand, it reduces the quality of services provided and, on the other hand, causes tension among workers of this industry. The aim of the research is to study educational values, the choice of an educational trajectory and professional self-determination of modern working-class youth in the service industry.

The article is based on the materials of an empirical study using quantitative and qualitative sociological methods: a mass survey of working-class youth in the Ural Federal District and a biographical interview, the informants of which are employed in the real sector of the economy and the service sector.

The contradictory attitude of young service workers to education was revealed: not seeing the connection between the level and quality of education and the characteristics of their own life, young people are confident in the value of education and maintain a respectful attitude towards educated people. The personal significance of education for the new generation of working-class youth is small; the social prestige of education does not in any way affect personal life plans, including the professional choice.

The established relationships between the educational and professional choice of working-class youth - the basic layer of the social structure of any society - can be used to organize vocational guidance work in secondary school, and can be in demand by the state and regional authorities of vocational education.

Keywords: working-class youth, working class, service sector, educational level, professional choice.

Введение

Сравнительно недавно, еще в опыте нынешних поколений, взаимосвязь между образованием, профессией и социальным статусом была очевидна. Ценность университетского диплома имела не символический смысл – она определяла реальное положение работника в социальной иерархии. В современном мире эта взаимосвязь не только не очевидна, но нередко просто отсутствует. Особенно явно эта тенденция проявляется в сервисном секторе экономики, который вовлекает все большую часть трудовых ресурсов. Как отмечают американские исследователи, если в 1970 г. в США 0,2% водителей такси имели высшее образование, то в 2013 г. их было 15% (Carlson, 2013). Глобальные закономерности проявляются и в России: зачастую выпускники вузов вынуждены начинать свой трудовой путь с рабочих должностей, к которым их никто не готовил. За последние 20 лет на российском рынке труда доля рабочих с высшим образованием увеличилась в два раза (Karavay, 2017). Актуальность и научная новизна представленного в статье материала определяется прежде всего практически отсутствующими в отечественной социологии исследованиями проблем рабочей молодежи сервисных отраслей.

Вопреки мировой тенденции, работники рутинного клиентского сервиса, численность которых постоянно увеличивается, до сих пор не рассматриваются в российском социуме как часть рабочего класса новой России. В первое десятилетие XXI в. система профессионального образования претерпела значительные структурные и содержательные изменения. По специальностям экономики и управлению подготовка специалистов возросла в 4,2 раза, по социально-гуманитарному направлению – в 3,1 раза, а по техническим специальностям – только в 1,4 раза. При этом проблемы с трудоустройством больше всего испытывали именно выпускники технических направлений подготовки, более 40% из них не находили работу по специальности (Gorshkov & Sheregi, 2020). Перемены в профессиональном образовании обусловлены окончательным утверждением рыночной экономики и резким ростом сервисного сектора, который стал привлекательным для молодежи, в том числе для рабочих.

Обзор литературы

Несмотря на реструктуризацию и сервисизацию экономики, классовые различия и неравенство доступа к значимым ресурсам образования и профессионализации не исчезли. Для молодежи из семей рабочего класса сохраняются институциональные барьеры, выявленные Д. Л. Константиновским еще в позднесоветский период (Konstantinovsky, 2008). Безусловно, это является определяющим фактором неомогенности современного рабочего класса, сохраняющегося (а иногда и усиливающегося) неравенства этой социальной группы по материальному статусу, профессиональной квалификации в зависимости от отраслевой принадлежности. Российские социологи предлагают достаточно широкий спектр решения данной проблемы: от идеи сокращения рабочего класса и утраты им классовой идентичности, превращения его в группу наемных работников до формирования рабочих «нового типа» (Lukyanova & Andreeva, 2018; Golenkova & Igitkhanyan, 2012; Klimov, 2013; Zabelin, 2011; Mityagina, 2014; Zhvitiashvili, 2013).

Зарубежные исследователи также подчеркивают сохраняющееся социальное неравенство и классовые барьеры в доступе к образованию (Henehan & Vignoles, 2018), потребность в большей социальной справедливости в образовательной сфере (Francis, Mills, & Lupton, 2017). Отдельное внимание уделяется проблемам влияния неолиберальной идеологии на различные аспекты высшего и среднего профессионального образования (Dolgon & Roth, 2016). Ограниченные перспективы на рынке труда для значительной части выпускников (Green & Zhu, 2010) порождают повсеместный рост так называемого сегмента NEET-молодежи, не трудоустроенной и не находящейся в процессе обучения, особенно молодежи из рабочего класса (Simmons & Connelly, 2020).

Проблема образования молодежи из рабочего класса широко представлена в зарубежном социологическом дискурсе. Исследователи подчеркивают преимущественно утилитарные цели узкой профессионализации, которые ставят перед собой молодые выходцы из рабочей среды, поступившие в университеты. Инвестиции в высшее образование рассматриваются как рискованное предприятие, не гарантирующее жизненного успеха (Lehmann, 2009). Высшее образование позиционируется как средство восходящей мобильности, способствующей переходу молодежи в средний класс. В то же время в общественном мнении распространена позиция, что рабочей молодежи не хватает стремления к высшему образованию и повышению социального статуса, несмотря на усилия государственной политики (Walkerdine, 2011). Многие авторы подчеркивают культурные противоречия и предубеждения, с которыми сталкиваются представители рабочего класса в университетской среде, где культурный габитус их социальной группы остается неприемлемым (Loveday, 2015). Неравенство в доступе к образованию порождает существенные различия динамики жизненного пути молодежи рабочего и среднего класса. Отсутствие образовательных перспектив подталкивает рабочую молодежь к более раннему началу трудовой деятельности по сравнению с их сверстниками из среднего класса, рабочая молодежь обычно раньше создает семьи, и в целом ее переход к взрослой жизни происходит быстрее (Furstenberg et al., 2004). Образование рабочего класса в области сервиса, чему посвящена наша статья, является объектом исследовательского интереса в западных странах начиная с конца 1980-х гг. (DeMicco & Parks, 1989).

Материалы и методы

Цель исследования состоит в изучении образовательных ценностей, выбора образовательных траекторий и профессионального самоопределения современной рабочей молодежи сервисной отрасли.

Статья основана на материалах многолетнего исследования с использованием эмпирических методов: массового опроса и биографического интервью, проведенных в городах Уральского федерального округа. Более подробно описание модели и расчета выборки, отбора информантов рассматривается в нашей монографии «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса» (Gavrilyuk, 2020). Общая численность респондентов – 1534; информантов биографического интервью – 31. Модель и расчет выборки, критерии отбора информантов основывались на авторском определении понятия о новом рабочем классе.

Результаты и обсуждение

Современный рабочий класс подвержен влиянию глобальных тенденций трансформации – цифровизации экономики, реалий трудовых отношений, включая их прекаризацию. Для российской социологии утверждение о формировании нового рабочего класса, основанное на базовых признаках (отношения собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда), не является очевидным и широко распространенным. Поэтому определение нового рабочего класса (НРК), являющееся результатом теоретического анализа, является авторским, открытым для критики научным сообществом. В нашем проекте НРК определен как «наемные работники, занятые во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующие в управлении и не имеющие прав собственности в организации, в которой они трудятся» (Gavrilyuk, 2019, p. 354).

Темпы развития сервисного сектора в современной экономике России особенно высоки, в том числе и за счет перераспределения трудовых ресурсов – уменьшения доли занятых в реальном секторе экономики. В сервисном секторе, среди наиболее многочисленных профессиональных групп, наблюдаются гендерные смещения. Так, самая массовая группа (примерно 5 млн человек) работников торговли на 84,0% состоит из женщин (Russian Statistical Yearbook, 2016). В других видах экономической деятельности, в которых могут предоставляться услуги клиентского сервиса, доля работников в 2019 г. достигла в совокупности почти четверти (23,7%) от всех занятых. Статистический сборник Росстата позволяет анализировать три вида клиентского сервиса, представленного на современном российском рынке труда: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; гостиничный сервис и общественное питание; прочие виды услуг. Численность занятых во всех этих трех видах экономической деятельности росла последние 10 лет, тогда как в сфере сельского хозяйства и отраслях промышленности – сокращалась (Russia in numbers, 2020).

Российские социологи отмечают важнейшие особенности кадровой динамики в сфере торговли: доминирование молодежи и повышенная текучесть кадров при сохранении внутриотраслевого баланса. Увольнение с конкретного предприятия не означает ухода из сферы торговли (Sorokina, 2018).

Какие же институциональные факторы оказывают сегодня наибольшее влияние на профессиональный выбор молодежи, начинающей свой трудовой путь в сервисном секторе экономики? Реформы профессионального образования, сокращение НПО как самостоятельной его ветви не решило всех проблем воспроизводства

специалистов массовых профессий. Система СПО во многом сохранила старые учебные программы, практически не заинтересована в сотрудничестве с бизнес-сообществом, не ориентирована на прогнозные характеристики квалифицированных кадров (Pakhomova et al., 2014). Особенно актуально это для сервисной сферы, где полученное молодыми людьми образование чаще всего не совпадает с их профессиональной деятельностью. Работодатели клиентской отрасли сервисной сферы в большей степени ориентированы на выпускников вузов, готовых реализовать спрос на определенные компетенции: способность к обучению, востребованность нового в профессии, эффективные коммуникации, командный дух и установка на сотрудничество. Все эти компетенции рассматриваются как результат пребывания в вузе, при этом образовательная программа, по которой обучался студент, не важна. Такая ситуация порождает неопределенность в системе ожиданий молодежи и дискуссии в экспертной среде. Например, Ж. Т. Тощенко доказывает губительность такой образовательной политики для интеллектуального богатства страны (Toshchenko, 2016).

Данные нашего опроса не противоречат современным российским исследованиям, раскрывая при этом существенные различия в соотношении профессиональной подготовки и профессиональной деятельности рабочих реального и сервисного секторов экономики (см. Рисунок 1).

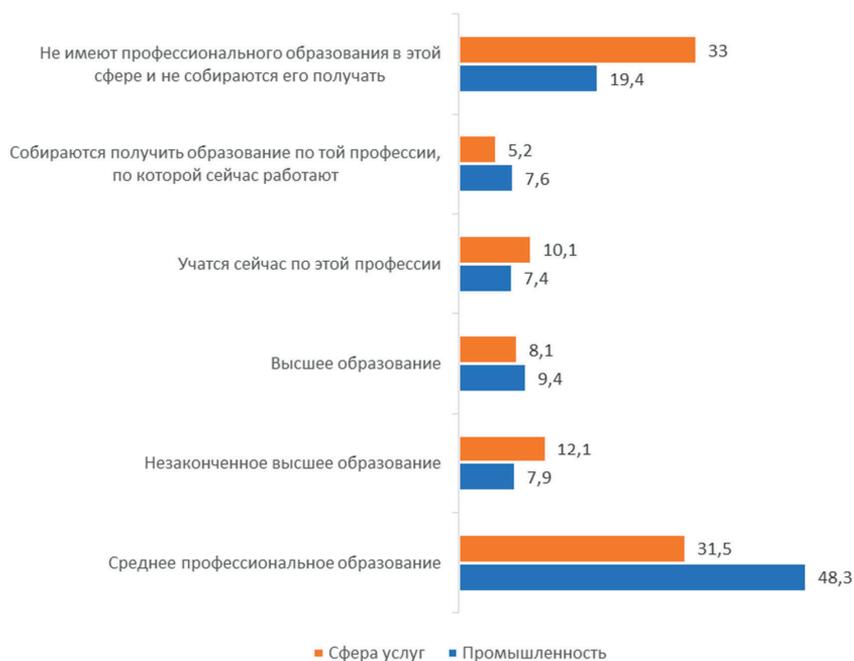

Рисунок 1. Соотношение профессионального образования и сферы занятости (в %, по группам промышленность / сфера услуг)

Среди рабочей молодежи сервисной сферы только 31,5% имеют профильное образование на уровне СПО и 12,1% – высшее образование. Среди рабочих промышленности, транспорта и других отраслей реального сектора экономики профессиональный уровень подготовки намного выше. Сегодня молодые люди не

могут быть уверены, что даже по окончании вуза они смогут найти работу, соответствующую приобретенной профессии (а значит, зачем учиться, да еще учиться хорошо?). Вот типичные высказывания информантов, занятых в сервисной сфере: «Работодателям уже не нужны специалисты с выстраданными дипломами, полученными без желания и любви к той специальности, которую осваивали студенты в вузе» (Александр – менеджер по продажам, неоконченное высшее техническое образование); «Нужны мозги, чтобы добиться успеха. Образование, честно, мне кажется, оно нужно больше для того, чтобы просто найти себе место, работу» (Диана консультант в приемной, высшее образование). Мнение информантов отражает растущее недовольство вузовским образованием, его доступность и престиж не гарантируют реализации профессиональных планов и даже рабочего места.

Показательно распределение ответов молодежи на вопрос о соответствии полученного образования и рабочего места интервьюируемого. Только половина информантов подтвердили, что работают по профессии, полученной в училище, колледже, вузе. Этот результат подтверждает общероссийскую закономерность разрыва профессиональной подготовки и занятости рабочей молодежи. Первое трудоустройство сопровождается необходимостью получать новую квалификацию «добирать» необходимые компетенции, не предусмотренные образовательными программами. Наибольший разрыв между профилем профессионального образования и фактической профессиональной деятельностью наблюдается именно в сфере сервиса. Кроме того, установленным фактом можно считать, что численность сотрудников с высшим образованием среди рабочих сервисной сферы экономики выше, чем в реальном секторе. Парадоксы общественного мнения и оценки профессионального выбора могут быть вызваны мотивацией выбора образовательного учреждения и возможной карьеры (см. Рисунок 2).

Рисунок 2. Мотивация выбора профессионального образования (в % по группе сервисных работников)

Неопределенность образовательного и профессионального выбора, его мотивация и зависимость от внешних факторов характерны практически для половины молодежи, занятой в современном сервисном секторе.

Проведенный нами анализ эмпирических данных был направлен на выявление взаимосвязи уровня образования родителей, отношения информантов к школьному обучению и выбора профессии. Индикаторами были выбраны следующие признаки: образовательный уровень родителей; совпадение/различие уровня образования информанта и его семьи; позитивное/негативное отношение к образованию. В ходе анализа эмпирических данных мы выделили пять типов семей информантов в зависимости от уровня образования родителей: оба родителя с ВПО; отец с ВПО, мать с СПО/НПО; мать с ВПО, отец с СПО/НПО; оба родителя с СПО/НПО; незаконченное профессиональное образование, средняя школа. Анализ полученных данных не подтверждает распространенное положение о решающей роли матери в характере отношения к образованию, но в целом влияние уровня образования родителей на отношение их детей к обучению достаточно отчетливо проявляется. Особенно характерно эта тенденция просматривается на уровне семей с низким образовательным статусом (см. Рисунок 3).

Незаконченное профессиональное образование, средняя школа

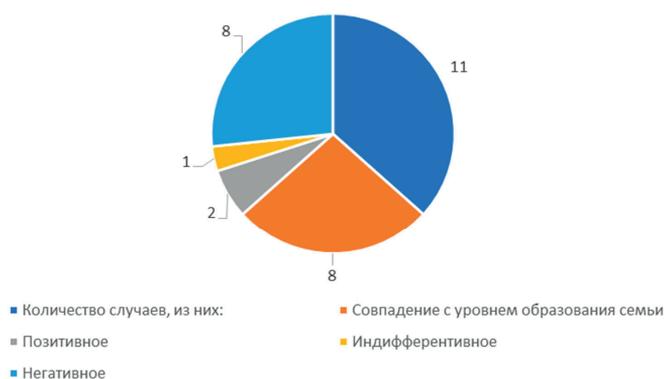

Рисунок 3. Отношение к образованию информантов из семей с низким образовательным статусом

Образовательный статус родителей ожидаемо влияет на оценку его (образования) значимости. В семьях, где родители получили высшее образование, дети чаще выбирают именно этот образовательный уровень, признают необходимость приобретения профессии. Разумеется, есть и более сложные, гибридные оценки. Так, одна участница из высокообразованной семьи, сама получающая образование в вузе, высказала резко негативное отношение к системе школьного образования. Образование в вузе она оценивает положительно, но не признает его влияния на жизненный успех. Выходцы из семей, где оба родителя имеют СПО/НПО, как правило, не видят роли образования в достижении жизненного успеха, не связывают его отсутствие с образовательным статусом, делая упор на личностные качества – ум, волю, четкое представление о цели. Отношение рабочей молодежи сервисной отрасли к школьному образованию в их собственных оценках достаточно однородно. Большинство из них признавали, что учились «средне», не были особенно заинтересованы в успехах, да и не прикладывали усилий для овладения школьными знаниями. Отношения с учителями их мало заботили, более того, зачастую они

носили напряженный характер. Свои средние школьные оценки они объясняли насыщенной внешкольной жизнью, отсутствием мотивации, но никогда – своей неспособностью справляться с программами обучения. При этом практически все отмечали, что их школьные годы были наполнены дружбой с одноклассниками, наличием подростковых компаний.

Влияние образовательного статуса родителей на отношение к школьному и профессиональному образованию, разумеется, носит достаточно сложный характер, однако тенденции влияния на мотивацию прослеживаются. Выходцы из семей с высоким образовательным статусом вспоминают о школе и своем профессиональном выборе в категориях личностной ответственности. Как правило, эти информанты отличаются достаточно высоким уровнем рефлексии по поводу изначально неправильного профессионального выбора или незавершенного образования. В отличие от этой группы, информанты, где родители не имеют высшего образования, исходят только из внешних причин и объясняют свой выбор некачественным школьным образованием, не позволяющим поступить в вуз, и отсутствием в семье финансовых возможностей для обучения на коммерческом отделении.

Особым мотивом в этой группе является утверждение бессмысленности профессионального образования для достижения жизненного успеха. Этот мотив, как базовый, просматривался и в массовом опросе рабочей молодежи: жизненный успех и образование в сознании молодежи никак не связаны либо связаны весьма опосредованно. Выявлены существенные различия в оценках молодежи из традиционного рабочего класса и занятых в сервисной сфере. Большинство респондентов из первой группы отмечают, что школа не нужна «для жизни» и не связывают свой статус с собственным отношением к образованию. Абсолютное большинство информантов, отвечая на вопрос «Что бы ты хотел изменить в своем прошлом?», никак не связывали свой уровень жизни с уровнем образования, профессиональной подготовкой.

Позиция информантов биографического интервью вполне согласуется с данными исследований на общероссийских выборах о соотношении образования, карьеры, каналов социальной мобильности и представлений о жизненном успехе современной молодежи. Так, в уже рассматриваемом проекте «Жизненный мир» под руководством Ж. Т. Тощенко отмечалось, что образование утрачивает функцию социального лифта, а социальный статус и престиж связываются с наличием денег, власти и связей (Toshchenko, 2016).

Среди объективных причин такого отношения рабочей молодежи к образованию – рутинный характер труда, не востребовавшая творческого мышления. В отечественной традиции одной из важнейших целей обучения является формирование творческого мышления, развитие креативных способностей обучаемых. Однако востребованность творческой активности работника, особенно массовых профессий, сильно преувеличена. Как показывает исследование работодателей США и Великобритании, творческие способности работника, его самостоятельность в выполнении рутинных обязанностей занимают далеко не первое место в ожиданиях работодателя (Anisimova, 2014). Как показывают наши исследования, для современных рабочих сервисной сферы требование творческого отношения к работе также не актуально. Оно не предъявляется работодателем, который заинтересован скорее в четком выполнении регламентированных обязанностей и соблюдении норм корпоративной культуры, нежели в самостоятельности работника.

Общие глобальные цели развития экономики и отдаленные перспективы трансформации рынков труда сегодня не могут выступать безусловным ориентиром для подготовки рабочих кадров новой сервисной сферы. Для сервисной сферы

экономики постиндустриального общества, с учетом его региональной динамики и глобальных тенденций, необходимы прогностические исследования с временным лагом в четыре года, т. е. временем приобретения законченного образования на уровне бакалавриата или полного курса обучения в колледже. Именно такой прогностический период позволит системе профессионального образования разработать образовательные программы для новых рабочих мест. При этом необходимо учитывать обоснованность позиций работодателей о пропорциях «старых» и «новых» профессиональных навыков, т. е. о соотношении сохраняемых компетенций работников и новых компетенций, отвечающих вызовам развития сервисных отраслей.

Заключение

Современные исследования, в том числе и результаты нашего проекта, подтверждают общероссийскую закономерность разрыва профессиональной подготовки и занятости рабочей молодежи. Завершение профессионального образования не является основой трудовой биографии и карьеры более чем для половины выпускников профессиональной школы. Выход на рынок труда для молодежи связан с необходимостью либо получать новую квалификацию, либо приобретать новые, дополнительные компетенции, не предусмотренные образовательными программами. Особенно актуально такое положение для сервисной сферы экономики, где профиль полученного профессионального образования и фактический характер профессиональной деятельности чаще всего не совпадают. При этом сотрудников с высшим образованием среди сервисных рабочих выше, чем в реальном секторе экономики.

Результаты массового опроса и биографического интервью выявили противоречивость отношения рабочей молодежи (особенно сервисных отраслей) к образованию: большинство из них не видят связи между уровнем и качеством образования и характеристиками собственной жизни. Общественная значимость образования не влияет на личные планы рабочей молодежи, на их представление о жизненном успехе, на выбор профессии. В личностном самоопределении молодые рабочие опираются на другие ценности, выбор профессионального образования чаще всего вызван «внешней» мотивацией. Выбор рабочей молодежью образовательной траектории и планирование карьеры носят турбулентный характер, достаточно редко опираются на продуманные стратегии, зависят от случайных внешних факторов.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Информация о конфликте интересов, открытом доступе к данным, этике

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Данные эмпирических исследований использованы в обобщенном и анонимном виде, имена информантов изменены для сохранения конфиденциальности.

Доступ к большому объему эмпирических данных обеспечен опубликованными монографиями коллектива авторов в рамках реализации проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России». Доступ к монографиям:

<https://www.flinta.ru/book.php?id=1825>

<https://www.flinta.ru/book.php?id=1966>

Список литературы

- Анисимова А. Э. Будущее образования на примере планирования потребности в рабочих кадрах в регионах США и Великобритании // Интеграция образования. – 2014. – Т. 18. – №. 3 (76). – С. 89-98.
- Голенкова, З. Т., Игитханян, Е. Д. Статусные характеристики рабочих России // Социологические исследования. – 2012. – №. 12. – С. 50-56.
- Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
- Жвितिашвили, А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2013. – №. 2. – С. 33.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х - середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЦСП и М., 2016. – 367 с.
- Забелин, К. Н. Рабочий класс и современное общество (теоретические, мировоззренческие и методологические подходы к изучению проблемы) // Власть. – 2011. – №. 1. – С. 8-11.
- Каравай, А. В. Состояние и динамика качества человеческого капитала российских рабочих // Terra economicus. – 2017. – Т. 15. – №. 3. – С. 144-158.
- Климов, И. А. Российские рабочие в кризисе: потенциал субъектности и социального партнерства // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – Т. 22. – №. 2. – С. 83-106.
- Константиновский, Д. Л. Неравенство в образовании: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х годов). – М.: ЦСП, 2008. – 344 с.
- Лукьянова Е. Л., Андреева Ю. В. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. – 2018. – №. 10. – С. 54-65.
- Митягина, Е. В. Ресурсность российских рабочих: противоречия индустриальной и информационной модернизации // Петербургская социология сегодня. – 2014. – №. 5. – С. 72-106.
- Молодежь нового рабочего класса современной России: Коллективная монография / под ред. Т.В. Гаврилюк. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 408 с.
- Пахомова, Е. А., Овчинников, В. А., Пальянов, М. П., Лаптев, И. Д., Библик, В. Л., Морозова, М. В. Взаимосвязь профессионального образования и занятости молодежи в Западной Европе и России // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – №. 3 (15). – С. 6-13.
- Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2016. – 725 с.
- Россия в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат, 2020. – 550 с.
- Сорокина, М. В. Смена приоритетов? Трудовые ожидания работников ритейла в зеркале интернет-коммуникаций // Социологические исследования. – 2018. – №. 5. – С. 99-109.
- Carlson S. How to Assess the Real Payoff of a College Degree // Chronicle of Higher Education. – 2013. Режим доступа: <http://chronicle.com/article/is-roi-the-right-Wayto-Judge/138665/> (дата обращения: 24.01.2021).
- DeMicco F. J., Parks S. C. A Passion for Knowledge? a Comparative Study of Older and Younger Food Service Workers' Desire for Education // Hospitality Education and Research Journal. – 1989. – Vol. 13. – No. 3. – P. 365-375.
- Dolgon, C., Roth, R. Twenty-first-century workers' education in North America: The defeat of the left or a revitalized class pedagogy? // Labor Studies Journal. – 2016. – Vol. 41. – No. 1. – P. 89-113. DOI: 10.1177/0160449X16634575
- Francis, B., Mills, M., Lupton, R. Towards social justice in education: Contradictions and dilemmas // Journal of Education Policy. – 2017. – Vol. 32. – No. 4. – P. 414-431. DOI: 10.1080/02680939.2016.1276218
- Furstenberg, F. F., Jr., Kennedy, S., McLoyd, V. C., Rumbaut, R. G., Settersten, R. A., Jr. Growing up is harder to do // Contexts. – 2004. – Vol. 3. – No. 3. – P. 33-41.
- Green, F., Zhu, Y. Overqualification, job dissatisfaction, and increasing dispersion in the returns to graduate education // Oxford economic papers. – 2010. – Vol. 62. – No. 4. – P. 740-763.
- Henehan, K., Vignoles, A. Technical Fault: Options for Promoting Human Capital Growth. – London: Resolution Foundation and Intergenerational Commission, 2018. – 62 p.

- Lehmann, W. University as vocational education: working-class students' expectations for university // *British Journal of Sociology of Education*. – 2009. – Vol. 30. – No. 2. – P. 137-149. DOI: 10.1080/01425690802700164
- Loveday, V. Working-class participation, middle-class aspiration? Value, upward mobility and symbolic indebtedness in higher education // *The Sociological Review*. – 2015. – Vol. 63. – No. 3. – P. 570-588. DOI: 10.1111/1467-954X.12167
- Simmons, R., Connelly, D., Thompson, R. 'Education ain't for us': using Bourdieu to understand the lives of young White working-class men classified as not in education, employment or training // *Research in Post-Compulsory Education*. – 2020. – Vol. 25. – No. 2. – P. 193-213. DOI: 10.1080/13596748.2020.1742992
- Walkerline, V. Neoliberalism, working-class subjects and higher education // *Contemporary Social Science*. – 2011. – Vol. 6. – No. 2. – P. 255-271.

References

- Anisimova, A. E. (2014). The future of education on the example of planning the need for workers in the regions of the United States and Great Britain. *Integracija obrazovanja – Integration of education*, 18(3), 89-98.
- Carlson, S. (2013). How to Assess the Real Payoff of a College Degree. *Chronicle of Higher Education*. Retrieved from <http://chronicle.com/article/is-roi-the-right-Wayto-Judge/138665/>
- DeMicco, F. J., & Parks, S. C. (1989). A Passion for Knowledge? a Comparative Study of Older and Younger Food Service Workers' Desire for Education. *Hospitality Education and Research Journal*, 13(3), 365-375.
- Dolgon, C., & Roth, R. (2016). Twenty-first-century workers' education in North America: The defeat of the left or a revitalized class pedagogy?. *Labor Studies Journal*, 41(1), 89-113. DOI: 10.1177/0160449X16634575
- Francis, B., Mills, M., & Lupton, R. (2017). Towards social justice in education: Contradictions and dilemmas. *Journal of Education Policy*, 32(4), 414-431. DOI: 10.1080/02680939.2016.1276218
- Furstenberg, F.F., Jr., Kennedy, S., McLoyd, V.C., Rumbaut, R.G., & Settersten, R.A., Jr. (2004). Growing up is harder to do. *Contexts*, 3(3), 33-41.
- Gavrilyuk, T. V. (Ed.) (2020). *Young people of the new working class of modern Russia: A collective monograph*. Moscow: FLINTA.
- Golenkova, Z. T., & Igitkhanyan, E. D. (2012) Status Characteristics of Russian Workers. *Sotsiologicheskie Issledovaniya – Sociological Studies*, 12, 50-56.
- Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. Ye. (2020). *Russian youth in the mirror of sociology. By the results of many years of research*. Moscow: FNISTS RAN.
- Green, F., & Zhu, Y. (2010). Overqualification, job dissatisfaction, and increasing dispersion in the returns to graduate education. *Oxford economic papers*, 62(4), 740-763.
- Henehan, K. & Vignoles, A. (2018). *Technical Fault: Options for Promoting Human Capital Growth*. London: Resolution Foundation and Intergenerational Commission. 62 p.
- Karavay, A. V. (2017). State and dynamics of the quality of the Russian workers' human capital. *TERRA ECONOMICUS*, 3, 144-158. DOI 10.23683/2073-6606-2017-15-3-144-158.
- Klimov, I. A. (2013). Russian workers in time of crisis: Capacity for action and social partnership. *Mir Rossii – Universe of Russia*, 22, 83-106.
- Konstantinovskiy, D. L. (2008). *Inequality in education: the experience of sociological research on the life start of Russian youth (1960s - early 2000s)*. Moscow: TsSP.
- Lehmann, W. (2009). University as vocational education: working-class students' expectations for university. *British Journal of Sociology of Education*, 30(2), 137-149. DOI: 10.1080/01425690802700164
- Loveday, V. (2015). Working-class participation, middle-class aspiration? Value, upward mobility and symbolic indebtedness in higher education. *The Sociological Review*, 63(3), 570-588. DOI: 10.1111/1467-954X.12167
- Lukyanova, E. L., & Andreeva, Yu. V. (2018). Working class in search of new dimensions of differentiation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya – Sociological Studies*, 10, 54-65.

- Mityagina, E. V. (2014). Resources of Russian workers: the contradictions of industrial and information modernization. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. Sbornik nauchnih trudov – St. Petersburg sociology today. Collection of scientific papers*, 5, 72-106.
- Pakhomova, E. A., Ovchinnikov, V. A., Pal'janov, M. P., Laptev, I. D., Bibik, V. L., & Morozova, M.V. (2014). The relationship between vocational education and youth employment in Western Europe and Russia. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom – Professional Education in Russia and Abroad*, 15(3), 6-13.
- Russia in numbers. 2020: Brief statistical compilation. (2020). Moscow: Rosstat.
- Russian statistical yearbook 2016. Statistical collection. (2016). Moscow: Rosstat.
- Simmons, R., Connelly, D., & Thompson, R. (2020). 'Education ain't for us': using Bourdieu to understand the lives of young White working-class men classified as not in education, employment or training. *Research in Post-Compulsory Education*, 25(2), 193-213. DOI: 10.1080/13596748.2020.1742992
- Sorokina, M. V. (2018). Change of priorities? Job expectations of retail workers in the mirror of internet communications. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 5, 99-109.
- Toshhenko, Zh. T. (2016) (Ed.). The life world of Russians: 25 years later (late 1980s - mid 2010s). Moscow: TsSP I M.
- Walkerdine, V. (2011). Neoliberalism, working-class subjects and higher education. *Contemporary Social Science: Journal of the Academy of Social Sciences*, 6(2), 255-271.
- Zabelin, K. L. (2011). The working class and modern society (theoretical, ideological and methodological approaches to the study of the problem. *Vlast' – Power*, 1, 8-12.
- Zhvitiashvili, A. Sh. (2013). The working class in a post-industrial society. *Sociological Studies*, 2, 33-42.